

Владимир Плешаков

**БИОГРАФИЯ НЫНЕ
ЖИВУЩЕГО ПАШИ
ПУХОВА
В ИСТОРИЯХ
И РАССКАЗАХ**

Владимир Плешаков

**Биография ныне живущего Паши
Пухова в историях и рассказах**

«Издательские решения»

Плешаков В.

Биография ныне живущего Паши Пухова в историях и рассказах /
В. Плешаков — «Издательские решения»,

Отчасти правдивые рассказы из жизни ныне живущего Паши Пухова,
действие которых происходит в основном в 80-е годы прошлого века.

Содержание

Как Паша Пухов зов крови услышал	6
Как Паша Пухов страну черным золотом обогатил	11
Как Паша Пухов обороноспособность страны не развивал	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Биография ныне живущего Паши
Пухова в историях и рассказах
Владимир Плешаков**

© Владимир Плешаков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как Паша Пухов зов крови услышал

Когда Паша Пухов учился в институте на режиссера театра (да-да, а мы не рассказывали? И в искусстве он наследил, наш Паша...), дело обстояло так. Учебный год начинался не 1 сентября, а 1 октября. А весь сентябрь студенты работали в колхозах и совхозах – помогали со сбором урожая. Ну то есть, ковырялись в мокрой земле, собирали картошку в мешки, часть увозили с собой в общагу для пропитания, часть оставляли в земле, но самую большую часть все-таки грузили в грузовики. Те, кто не хотел проводить сентябрь в поле, летние каникулы должны были отработать в стройотряде. То есть, либо отдыхаешь июль и август, а в сентябре возишься в колхозе, либо лето работаешь, а сентябрь у тебя – каникулы. Как и все первокурсники, Паша съездил в сентябре в совхоз, но с погодой очень не повезло. Лишь пару дней стояло бабье лето, и можно было посидеть на краю лесозащитной полосы с костерком, печеной картошкой, водкой, гитарой, смехом и байками. Это было здорово, но всего два дня. Остальное время студенты мокли под дождем, бросали в мешки больше глины, чем картошки, и сердца их наполнялись унынием.

Словом, Паша в следующем году решил в совхоз не ехать. Значит, надо записаться в стройотряд и отработать летом. Специфика была в том, что к тому времени, не знаем – как раньше, на заре стройотрядовского движения, – но к тому времени бойцам стройотрядов уже платили деньги за сделанную работу. Обычно это было строительство коровников под руководством умелого прораба. Платили, конечно, гораздо меньше, чем полагалось бы за эту же работу шабашникам, но студентам и то – радость. В институте, где учился Паша Пухов, было несколько стройотрядов. Большинство их них, действительно, строили коровники. И Паше показалось, что это напоминает сбор картошки. Что тут общего, мы не совсем понимаем. То, что дело происходит в совхозе? Но на этом все сходство и заканчивается. Иногда Пашу трудно понять.

Самым знаменитым стройотрядом в пашином вузе был «Искремас», что означает «искры революции – в массы!» Так звали персонажа в одном неплохом фильме, но за романтическим названием стояла тяжелая работа. Искремасовцы не строили коровники, они прокладывали железные дороги. И зарабатывали, в отличие от всех остальных отрядов, весьма приличные деньги. Обычно начало учебного года (1 октября) знаменовалось приездом искремасовцев, которые каждый год удивляли общагу своими богатейскими выходками. То купят и подгонят к общежитию 900—литровый бочонок с разливным пивом, и давай наливать бесплатно. То наймут бомжей, чтоб те из городского парка притащили сорок чугунных скамеек и расставили по дороге из общаги в учебный корпус. То еще чего удумают. Ну и конечно, джинсы, дорогие часы – сразу видно, человек летом в Искремасе трудился. Раз идти в стройотряд, то в Искремас, подумал Паша Пухов. Но не тут-то было! Оказалось, что записываются туда с осени, а Паше это мысль пришла в голову только в феврале. И тогда Паша вспомнил еще об одном отряде, также выбивавшемся из общего ряда. Поскольку вуз был творческий, то закономерно появился отряд, который ничего не строил, но все же имел статус стройотряда. Правда, назывался он по-честному: студенческая концертная бригада «Лира». В народе же бригаду звали «Столько не выпить», поскольку ее участники славились безудержным пьянством. Оно и понятно, с концертами разъезжать – не рельсы класть. В Искремасе, к слову, все лето действовал сухой закон. В Лире, если можно так выразиться, мокрый.

И вот Паша со своим другом и однокурсником Гришей Андреевым записались в Лиру. Но тут выяснилось осложнение. Поскольку этот, с позволения сказать, стройотряд, был специфическим, и его бойцы не так, чтобы очень напрягались в течение лета, было решено, что деятельность Лире не ограничится июлем-августом, а начнется прямо со второго семестра. Пришлось Паше и Грише начинать концертную деятельность в феврале.

В составе Лиры были музыканты, певцы, танцоры. А Паша с Гришей учились на режиссеров театра, так что на их долю выпал разговорный жанр. Они написали несколько миниатюр, вдохновленные Тарапунькой и Штепселем, а в большей степени – Ильченко и Карцевым. Одна была очень смешная. Про таксиста. Паша и Гриша исполняли ее стоя на полусогнутых, будто сидят в автомобиле. Гриша держал перед собой руки, будто рулит, а Паша вертел головой, будто провожает взглядом убегающий пейзаж. Зрителям очень нравилась миниатюра, и Паша с Гришей постоянно совершенствовали ее, добавляя на следующих выступлениях все новые детали, придумывая гэги и каламбуры. Иногда, правда, они сами запутывались в своих изменениях, и один шутил согласно последней редакции, а второй – еще по предыдущей версии. Диалог не всегда срастался, возникали странные паузы. Но друзья обыгрывали их, корчили смешные рожи, и зритель ничего не замечал.

Надо сказать, что все это время (а концерты были в среднем раз в неделю) Паша с Гришей как-то умудрялись уклоняться от принятого в Лире обычая пить по дороге на концерт, перед концертом и после. Выступали обычно в трудовых коллективах городах, но изредка выезжали и в село. Тогда дорога была длиннее, и выпивалось в ней гораздо больше. В результате, баянисты путались в клавишах, танцоры – в собственных ногах, а вокалисты – в жабо. Паша с Гришей понимали, что они – артисты начинающие, им и без того трудно запомнить текст, да еще постоянно трансформируемый, и алкоголь тут не лучший помощник. Но обычаи есть обычаи. И уклоняться от них не удавалось всегда.

Вот поехали в рабочий поселок, загрузились в автобус, налили, спели, выпили еще. Заметили, что молодые юмористы опять манкируют компанией, выволокли с задних рядов автобуса, усадили, налили и заставили выпить. Когда приехали на место, Паша с Гришей, не имеющие необходимого опыта и закалки, буквально расплзались по швам. На сцену вышли, с трудом сохраняя равновесие. Не договариваясь, решили исполнять «таксиста». Не потому, что это был самый их удачный скетч, а потому что исполнялся на полусогнутых.

Паша перепутал версию с самых первых реплик. На помощь пришли рожи. Но зритель, еще не подготовленный предварительным текстом, не врубался. Тогда Гриша, который тоже уже не понимал, какую из редакций они играют, внезапно переключился на совсем другой скетч. Про дояров. И начал пантомимически изображать процесс дойки, не объяснив ничего ни Паше, ни зрителям. И Паша, и зрители недоумевали, что же это такое делает таксист на ходу двумя руками, да еще сопровождая это звуками «бззз, бззз». Паша понял только одно, что он не помнит текста скетча ни в одной редакции, не помнит совсем. Абсолютно. И тогда он тоже решил перейти на другой номер. Но ни один парный скетч не вспоминался, а вспомнился только его сольный номер, фрагмент поэмы «Василий Теркин». И Паша начал вдохновенно декламировать про привал бойцов и гармониста. Иногда текст стихов и продолжающаяся в исполнении Гриши пантомима про дояра неожиданно синхронизировались. Гриша уже не просто ритмически дергал за воображаемые соски коровьего вымени, а импровизировал вовсю, приседал, подскакивал, пальцам производил немыслимые движения. А Паша в это время завывал:

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно – гармонист!
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз...

ИЛИ:

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,

Да как выдумает что-то,
Что и выдумать нельзя!..

Выдумать такое было, действительно, сложно. Видевшие это шоу запомнили его надолго. Только реагировали все по-разному. Половина зрителей возмущалась, половина думала, что так и положено. Стоящие за кулисами танцоры, музыканты и певцы умирали со смеху, корчась и падая без сил на пол. И только руководитель концертной бригады был молчалив и суров. Он взвешивал в уме, как это будет звучать, когда из стройотряда «Лира», известного в народе как «Столько не выпьешь!» двух бойцов-участников придется выгнать с формулировкой «за пьянство»...

Так что, Пашу и Гришу в рядах Леры оставили, но от концертов отстранили. Вы скажете: странное наказание! Но не будем забывать, дело происходило в эпоху, когда труд был почетен, и значит, лишение возможности трудиться било по гордости человека и служило ужасным наказанием.

Но Грише и Паше еще предстояло выйти на сцену со своим умопомрачительным разговорным шоу. Дело в том, что незадолго до описанного концерта, Лера выступала в горкоме профсоюзов. Благоговей перед столь высокой публикой, славные лировцы перед концертом постарались пить умеренно, и представление прошло сравнительно хорошо. Профсоюзным боссам артисты так понравились, что они наградили весь отряд в полном составе путевками на Кавказ. Концертной бригаде предстояло дать всего два выступления – в столице Северной Осетии и в грузинском городке Казбеги. А путевки были на три недели! Царский подарок.

Путевки были выписаны, печати проставлены на бланках, и тот факт, что Пашу и Гришу освободили от участия в концертах, не освобождал их от обязанности отправиться на Кавказ. Ну а там уж, так и быть, можно и выступить.

И вот пришло долгожданное лето. Часть студентов отправилась домой, чтобы в сентябре работать на совхозных полях, другая часть поехала в стройотряды, чтобы отдыхать в сентябре, а Паша с Гришей поехали домой отдыхать, чтоб в августе поехать на Кавказ отдыхать, чтоб в сентябре отдыхать, как бойцы стройотряда. Ну не ловкачи ли!

Поезд на Кавказ тащился, Лера отчаянно пила в вагоне, который занимала практически полностью. В вагоне-ресторане Паша с Гришей как-то стали свидетелями сцены, которую потом превратили в скетч, который потом превратился в анекдот. Но мы ответственно заявляем, что это реальный случай.

Официант подходит к столику, за которым сидит карикатурный кавказец – огромный нос, пушистые усы, кепка-аэродром.

– Что вам?

– Мнэ супа.

– Сколько порций?

– Э, нэ надо порция. Мнэ супа!

– Я понимаю, супа. Так сколько порций?

– Слюшай, зачем порция? Супа дай!

– Так у нас суп порциями. Сколько вам дать порций?!

– Ээ, ваймэ, швило, давай нэси свой порций!... И супа!!!

Но мы отвлеклись. Поезд пришел по назначению. В столичном городе был дан концерт для местной, как теперь говорят, элиты. Вполне успешный концерт, все были довольны. А скетчу в исполнении Паши и Гриши про порцию супа так вообще хлопали стоя. После концерта Лера загрузилась в автобус и поехала на высокогорную турбазу. Там уставшие за день бойцы расселились по домикам и быстро уснули. А утром выяснилось, что ночью в незакрытые домики проник вор, или группа воров. Почти у каждого что-то пропало. У кого свитер, у кого штаны. У Гриши исчез чехол для гитары, который Гриша использовал не только по назначе-

нию, но и как чемодан – в чехле он перевозил весь свой нехитрый скарб. Благо, перед сном Гриша успел вынуть из чехла и из гитары свои вещи, так что пропал только сам чехол. У Паши дело обстояло куда как хуже. У него украли фотоаппарат. И само по себе-то это неприятно, особенно учитывая красоты Кавказа, которые Паша рассчитывал запечатлеть. Но главное – в камере была начатая пленка. И на ней – кадры, снятые Пашей во время солнечного затмения! Паша специально ездил в город Новокузнецк, где затмение было стопроцентным. То есть, не просто темнота и солнечный серп на небе (что тоже редко и небезынтересно), но настоящее затмение, полное, когда на темном небе горит солнечная корона с черным диском посредине. Зрелище захватывающее! Паша специально консультировался со знающими людьми, как, в каком режиме нужно снимать это нечастое астрономическое явление. И вот, пленка пропала вместе с камерой!

Вся труппа была расстроена. На турбазу прибыла следственная группа. Состояла она из не менее карикатурных кавказцев, чем персонаж в поезде. Один – маленький толстячок, седой, с пронизательными глазами. Осетинский комиссар Мегрэ. Второй – жердь с выбивающимися из-под фуражки черными кудрями, горбатым носом и великолепными усами. Оба молчаливые и сосредоточенные, они вели дознание: Что у вас украли? Когда у вас украли? Откуда у вас украли? Кто у вас украл? Последний вопрос ставил всех пострадавших в тупик, но «Мегрэ» объяснил: Если б вы знали, кто украл, то мы дня за три нашли бы преступника, а так...

Опросив всех, парочка уехала. А лировцы принялись изо всех сил отдыхать, чтоб как можно скорее забыть о неприятном инциденте. Только вот не надо думать, что это означает беспробудное пьянство. Ничего подобного! Они не ведь не алкаши были какие-нибудь, а будущие музыканты, вокалисты, танцоры, и даже два режиссера. Люди не чуждые высоких дум. Так что ходили в горы (Паша с Гришей, например, однажды забралась на трехтысячник, куда только инструкторы по альпинизму до этого поднимались), ездили на ледник, фотографировались (у кого камеру не украли), по вечерам всю турбазу веселили – профессиональные шоумены все ж. С местными жителями культурные мосты наводили. Как-то у костерка зашла речь о том, что никто своей родословной не помнит. Хорошо, если прадеда знает, а так – максимум деда. Тут Паша выступил. Он поведал, что его дядька, ныне покойный, активно интересовался генеалогией, и разузнал, откуда есть фамилия Пуховых пошла. Выяснилось, что там такого намешано! И цыгане-конокрады, и сибирские кулаки-старообрядцы, и даже кавказские князья. Местных жителей, разумеется, кавказская ветвь заинтересовала больше всего. Что за князья? Какого рода? Паша Пухов рассказал и фамилию князей назвал (уж не Пуховы, точно). Что тут началось! Оказывается, это уважаемая фамилия, и родовые земли их находятся прямо тут, рядом. Но судьба князей трагична. Были они сосланы в Сибирь, и родовый дом их разрушен, и все, что осталось на немалых угодьях княжеских – Город Мертвых. Иначе говоря, кладбище.

По обычаям предков князей в этой местности хоронили своеобразно. Строили из камней домики-башенки, обставляли мебелью, постилали ковры, вешали на стены оружие, усаживали покойного в бурке и папахе за накрытый стол, а затем заделывали вход, оставляя лишь маленькое слюдяное оконце. Родные и потомки, приходя в Город Мертвых, вспоминали усопших, а заглянув в окошко, видели их сидящих за столом, потому что в силу то ли особого климата, то ли секретного устройства башенок покойники в них не подвержены были разложению. Так и сидели в бурке и папахе перед полной чашей.

После такого рассказа вся турбаза в полном составе выразила желание посетить Город Мертвых, чтоб почтить память славных законсервированных предков Паши Пухова. Но, оказывается, уже в советские времена необразованные археологи решили досконально изучить захоронения, вскрыли их, после чего останки вмиг рассыпались в прах. Ну, а оружие и то, что осталось от ковров и мебели, увезли досконально изучать. Так что, стоят в долине пустые

дома-башенки, из Города Мертвых превратившись в Мертвый Город. Но эта досадная деталь не охладила пыла туристов, и все начали собираться в путь, несмотря на поздний час. Вооружившись факелами, канистрами с домашним вином и прочими припасами, двинулись в путь. Часа через полтора достигли места.

Освещенный лишь неполной луной да факелами Город Мертвых произвел именно такое впечатление, какого ожидаешь от его названия. Жутко, но интересно. Жутко интересно. Заглянув в пару домиков и убедившись, что ни ковров, ни призраков внутри нет, компания устроила среди торчащих каменных башенок пикник с шашлыком, вином и рассказами-страшилками. А Паша Пухов на правах наследника произносил тосты, распределял шашлык, и даже заговорил с горским акцентом. Причем, местные жители относились к превращению приезжего очкарика в потомка уважаемых князей без всякой иронии, с достоинством оказывая ему положенные почести.

С этого дня жизнь Паши Пухова на Кавказе радикально изменилась. Он стал желанным гостем в каждом доме. Отцы семейств наперебой звали его отобедать и между делом похвалялись количеством баранов в их личной отаре, мечтая таким образом заполучить знатного жениха для своих дочерей на выданье. Молодые джигиты почитали за честь присутствие Паши на закалывании (с последующим поеданием) барашка. Паша разучивал местные песни, а что касается горских плясок, так даже сам учил местных, как правильно танцевать. Вскоре после этого на турбазе вновь появились карикатурные милиционеры. Первым делом они пришли засвидетельствовать Паше свое уважение и сообщить, что есть рабочая версия касательно украденных вещей, и нужно ехать на операцию. Что за операция, Паша не понял, но на всякий случай взял с собой Гришу. Вчетвером они уселись в открытый УАЗик и покатали по ущельям и долинам. Добравшись до миниатюрной деревушки, милиционеры щелкнули затворами пистолетов и на цыпочках подошли к домику, сложенному из сланца. С криками на местном языке (но понятно было, что это что-то вроде «Стой! Стрелять буду!») они ворвались в саклю. А через пять минут пригласили Пашу с Гришей внутрь. На полу жилища валялись в беспорядке вещи. Смотрите, сказали сыщики, есть ли тут ваше. Нет, ответили Паша с Гришей, мы ничего не нашли. Ну как же, расстроились милиционеры, вот же свитер, а вот чехол от баяна, а вот и фотокамера. Но это не моя камера, сказал Паша. И не мой чехол, добавил Гриша. А что, разве ваша камера была лучше, удивились горцы. Нет, признал Паша, но в моей была пленка, а на пленке... Ааа, пленка, тогда поехали в другое место.

Они опять колесили по долинам и по взгорьям, приехали точно в такую же деревушку и ворвались в такой же дом. Кстати, хозяин первой лачуги, в наручниках, сидел теперь в машине вместе с группой. Во втором доме опять не оказалось украденных вещей. Хозяину также нацепили наручники и взяли с собой на третью операцию. Но и она не имела успеха. Паша с Гришей уже изрядно устали и попросились на турбазу. Их отвезли, но видно было, что сыщики расстроились.

На следующее утро они разбудили Пашу, светясь от счастья. Нашли! Все нашли! Вся бригада «Лира» собралась на полянке, а довольные следователи высыпали из мешков одежду, вещи. Был тут и гитарный чехол Гриши, была и камера, очень похожая на пашину. Толстый милиционер торжествовал: Ну что, ваша камера? Там и пленка внутри есть, я лично проверил. Как проверил, спросил Паша. Как-как? Открыл, достал, посмотрел. Пленка черная вся, ничего не снято... Так она ж не проявленная, начал было Паша, но замолчал. Что ж говорить-то, если пленке, на которую он снимал солнечное затмение, устроили милиционерское затмение. А в следующий раз это можно будет снять всего-то через 45 лет...

Как Паша Пухов страну черным золотом обогатил

Паша Пухов, после того как из вуза ушел, искал работу. Хотелось ему чего-нибудь безыскусного, сермяжного. Думал на кузницу пойти, но где ж кузницу найдешь в конце двадцатого века? Вот и устроился он в геологоразведку. Проще сказать, на буровую. Работа вахтами – полмесяца в тайге, полмесяца свободен. Это Пашу вполне устраивало. Молодой ведь человек, со страстями и желаниями, свободного времени требуется на их удовлетворение немало, обычных выходных едва ли достаточно. А вахтенный график открывал хорошие возможности для досуга. Шутка ли, полмесяца выходных. А то, что другие полмесяца в тайге, так в этом тоже много плюсов. Начальство далеко (а Паша жуть не любил начальство, впрочем, как и все), свежий воздух, мужское братство и т. д. Насчет братства и «и т. д.» Паша, конечно, знал только теоретически. Словом, получил Паша Пухов телогрейку и ватные штаны, валенки и подшлемник, матрас с бельем и загрузился в вертолет. Впервые в жизни, надо сказать. Маршрут вертолета составляется, уж конечно, не в целях пашиного удобства, а из соображений прикладных и рациональных. В тот раз пилотам предстояло сначала полететь на закрывшуюся буровую, зацепить «емкость» – здоровый такой бак металлический, отвезти его на другую площадку, и только потом доставить Пашу на его место работы. Полетели. В вертолете интересно, никаких тебе удобств, все металлическое, цвета хаки. В иллюминаторе виды, каких больше нигде не увидишь. Самолет слишком высоко летает, чтоб такие подробности рассмотреть: сосны, холмы, поля – все близкое и необычное, потому что вид сверху. С самолета вид карту напоминает, то есть, схематический такой. А из вертолета все живое, рукой достать можно почти. Трясет вот только нещадно. И шум. Пилоты-то в наушниках сидят, переговариваются между собой и с землей. А Паша один в салоне, в голове и теле – вибрация и шум. Зато виды за окном. В смысле, за иллюминатором...

Прилетели на покинутую буровую. На покинутую она не похожа, видимо, совсем недавно люди съехали. Снег вытоптан, в балках (это домики так называются геологические – балки, с ударением на последний слог) еще тепло сохранилось. Паша с интересом прогулялся по территории – ведь ему скоро жить по полмесяца в таких же условиях. А пилоты тем временем крепили емкость к специальным тросам так, что когда вертолет стал подниматься, тросы натянулись, и емкость оказалась подвешенной под брюхом вертолета. Поднялись, летят тяжело, емкость раскачивается. И вот вертолет стало болтать совсем уж неприлично. Надо, говорят пилоты, емкость сбрасывать, а то нам каюк. Открыл один из пилотов люк в днище, чего-то там пошерудил, и бак, отцепившись, упал на землю. Точнее, в глубокий таежный снег. Но его ведь на буровую везти надо. Пришлось спускаться, чтоб снова емкость к тросам прикрепить. Только теперь дело происходит не на вытоптанной площадке, а в снежной целине. Тут и пашина помощь понадобилась. Вылезли из вертолета, плюхнулись в снег – Паше по подмышки. И вот теперь надо до емкости как-то пробраться, да тросы пристегнуть. Холодно, тяжело, а все же как-то забавно. Детскую игру напоминает, как траншеи в снегу рыли да подземные ходы. Так что Паша добрался до бака первым, а пилоты уже по его следу. Пристегнули, полетели, доставили бак без приключений. Но теперь пилоты Паше уже наушники дали, болтали с ним всю дорогу – проявил себя!

А все-таки от розыгрыша не удержались. Прибыли на пашину буровую и говорят: мы тут сесть не можем по метеоусловиям, поэтому матрас кидай и сам прыгай. Паша не долго думая так и сделал, пилоты даже не успели признаться, что пошутили. Паша только руки, ноги и матрас в кучу собрал, а вертолет рядом с ним приземлился. Несмотря на метеоусловия. Ладно, посмеялись. Пошел Паша знакомиться с фронтом работ. Говорят, пока неопытный, тебя в помбуры не возьмем, то есть, в помощники бурильщика. Поработай сначала лаборантом. Буровая скважину сверлит, породу достает, вот лаборант ее анализирует, чтоб понять, далеко ли нефть,

и не надо ли стенки скважины укрепить. И если надо, то готовит специальную смесь клейкую, и в скважину ее заливает. В общем, работа интеллектуальная, и потому не очень почетная.

Так и стал Паша Пухов возиться с пробирками да глиной в своей лаборатории. А жил в балке со всеми вместе. На буровой сухой закон, потому небольшой досуг мужики посвящают домино, газетам полумесячной давности, да флирту с поварихой. Фамилия у нее была, извините, Отебитес. Так что, и флирты чаще всего ничем не увенчивались. А Паша Гегеля читал. Не чтобы выпендриться, уж поверьте. Просто, давно уж Гегеля собирался почитать, начинал, да все как-то не шло. Трудный немец. Вот и подумал Паша: на буровой в лесу деваться некуда, не хочу, а прочитаю. Так и вышло. Читалось легко и непринужденно. Книжек на буровой немного, мужики ими делятся. Вот и на пашину кто-то запал. Дай, мол, почитать, пока ты в своей лаборатории. Паша говорит: сложная книжка. А о чем? Да обо всем. Ну раз обо всем, значит, интересная. И вот взял один мужик у Паши почитать Гегеля, потом другой, глядь, по вечерам в балках диспуты философские начались. Обсуждают классического немца, критикуют. Говорят Паше, у тебя еще такие книжки есть? Привезу, обещает Паша. На следующую вахту взял еще пять томов Гегеля, а один из помбуров привез диалоги Платона. Ну тут уж такие дебаты пошли! Одни записались в ярые гегельянцы, другие неоплатониками заделались, а третьи – скептики, никому не верят. Бурные начались вечера на буровой. И даже во время работы все стало иначе. Вот гаркнет бурила на верхового, а тот ему не матом в ответ, а из Гегеля: «Речь – удивительно сильное средство, но нужно много ума, чтобы пользоваться им». Буровой поперхнет сперва, а потом возьмет себя в руки и парирует: «Вежливость есть знак благосклонности и готовности к услугам». Тут и другие подключаются. Платоники Сократа цитируют, гегельянцы – своего кумира. Начальство как-то прилетело, послушало и улетело обескураженное совершенно. Но был один фрукт, который в общих диспутах не участвовал, только газеты и читал. Про надои да кризис капитализма. Вот он как-то шаблон и упустил.

Шаблон – это такая металлическая штука, ее в трубу бросают перед тем, как к колонне трубу прикрепить. Шаблон с противоположной стороны вылетит – значит, труба чистая, ни кусочков льда, никакого мусора постороннего нет. Так вот, этот грамотей газетный не дождался, когда шаблон из трубы выскочит, и машет рукой: мол, давай, поднимай. Трубу подняли, к колонне прикрутили, шаблон и провалился в скважину! Теперь бурение надо останавливать, колонну вынимать, развинчивать, шаблон искать. Дискуссии из области чистой философии перешли больше в этическую сферу, заспорили о долге и совести, о том, что профессионализм – это категория моральная, а не просто сумма навыков. На следующую вахту читатель газет не приехал, уволился. Да только кому легче? Колонну доставали, муфта лопнула от мороза, опять колонна в скважину рухнула. В общем, не заладилось дело. Тут еще нелетная погода. Метель, пурга, хоть и весна уже, вертолеты не могут добраться, запасы продуктов кончаются. Жрать скоро нечего будет. Решили в ближайшую деревню за едой сходить. Наскребли у кого сколько было мелочи (на буровой-то питаются под роспись, денег с собой везти ни к чему), собрали экспедицию. Это только говорится так – ближайшая деревня, а до нее по тайге километров десять. Тайга – не асфальт, за два часа не дойдешь. Зато по дороге можно дичи настрелять, денег-то совсем чуть, такую ораву не накормишь. Так что, отправили деда-охотника, помбура-здоровяка и Пашу Пухова, как самого молодого.

Вообще-то Паше даже понравилось. Продираться по тайге не пришлось, все-таки буровая не в необитаемых джунглях. Была просека, по которой можно было дойти до ближайшей деревни, те самые километров десять. Все ж не через бурелом лезть. Правда, просека – это не дорога. Деревья как свалили, так они и лежат, да под ними топь. Для вездехода пойдет. Но у вездехода тоже пища кончилась, дизтопливо с большой земли не подвозили из-за нелетной погоды. А погода – не поймешь! То ли зима, то ли весна, муть какая-то и сырь. Долго ли коротко, дошли буровички до поселка, пришли в сельпо, страшные, грязные. Мы, мол, геологи, нам жрать надо купить. Ну в те годы это обычное дело было, что из тайги вдруг боро-

даты геологи появлялись. Может, и не все бородачи были геологами, но никто особо вопросов не задавал. Надо – покупайте, не милостыню ведь просят. Разгорелись дискуссии, чего покупать. Причем, пашин голос учитывался меньше всего, как самого молодого. Дискриминация. Накупили сигарет полный рюкзачок (его дед понес), риса (помбуру достался) и тушенки (как самый молодой Паша должен был тащить и самый тяжелый рюкзак). Пошли обратно. Паша отстает, рюкзак к земле тянет. Чтоб как-то сгладить момент, Паша стал делать вид, что он дичь высматривает. Нам ведь не только денег дали, мол, но и ружья. В общем, справедливо. Поскольку ружье одно, оно у деда. Вот он как американский сержант во Вьетнаме (хотя тогда еще Паша американских фильмов о Вьетнаме не видел и не мог видеть) сделал сигнал рукой. Мол, стоп и цыц. Прицелился в рябчика, бац, и мимо! Идут дальше. Но у Паши теперь есть компенсация за тяжесть рюкзака. Он соловьем заливается о том, что охотники в русских селеньях вымерли, даже с ружьем в тайге пропадешь, потому как стрелять никто не умеет. Не выдержал дед, психанул, и отдал ружье помбуру, теперь ты пробуй, раз я охотник никудышный. Но помбур не будь дурак, вместе с ружьем взял и рюкзак с сигаретами, а деду передал с рисом – потяжелее изрядно. Идут. Вот он рябчик, опять на ветке сидит. Паша и дед знаками помбуру показывают, а он вроде как не видит. Но все ж пришлось остановиться. Положил помбур ствол на ветку дерева, как в рогатку – для верности. Бац – мимо! Паша думает, это шанс. Поиздевался минут двадцать над помбуром и добился своего – тяжеленный рюкзак переполз на помбуровы плечи, а Паша пошел практически налегке, сигареты на спине, ружье на плече. И только одна мысль не дает покоя: что если снова рябчика встретим? Ведь стрелять Паша не мастер. Хотя в детстве дедушка брал его на охоту и даже давал, в обход всех правил, пострелять, но было это давно, и за эти годы Паша близорукостью обзавелся. Оторвался он вперед, в авангард, чтоб рябчика заметив, спугнуть его, пока товарищи не увидели. Но слишком уж пламенными были его монологи уничижительные, и дед с помбуром страстно мечтали о моральном удовлетворении, потому не слишком отставали. Понял Паша, что рябчика или другой какой дичи ему не миновать. И точно – вот он сидит на высоком пне. Догадался Паша, что один выстрел отделяет его от рюкзака с тушенкой, смирился с этим и пальнул не целясь, с бедра, по-ковбойски. Перья в стороны, рябчик – бряк с пенька. Самое трудное для Паши было виду не подать, насколько он поражен результатами своего выстрела, а скромно пожать плечами – типа, кто ж сомневался...

Так и пошли они дальше, причем после третьего рябчика, подстреленного Пашей, помбур и маленький рюкзак у него забрал. По собственной инициативе. Кормилец, все ж! В лагерь вернулись с богатой добычей: шесть рябчиков, три кедровки, один вальдшнеп. И хоть пашины были только три первых, воспринималась почему-то вся добыча как его заслуга. И дед с помбуром этого не отрицали. С того дня авторитет пашин вырос, глупым розыгрышам он больше не подвергался. А тут и шаблон достали, и бурить наконец-то продолжили. А через месяц и нефть пошла.

Паша до этого в кино советском видел, как нефтяники умываются нефтью на радостях. Но оказалось, что сибирская нефть, во-первых, не черная, а светло-желтая, ну как «Ркацители» к примеру. Помнит кто-нибудь «Ркацители»? А во-вторых, капля нефти сапог прожигала, так что если ей умыться, то рожа без кожи останется. Ну это неважно. Важно, что на том месте, где пашина буровая стояла, теперь целый город, маленький, но богатый. Правда, недолго «черное золото» страну обогащало, очень скоро оно стало обогащать только парочку олигархов. А ни Паша Пухов, ни помбур, ни дед-охотник, ни шиша от этого «золота» не получили, ни денег, ни спасибо. Но это другая история.

Как Паша Пухов обороноспособность страны не развивал

Страшное дело! Рисуем разочаровать читателей и почитателей Паши Пухова, но истина, как говорится, дороже. Пришла пора раскрыть ужасную тайну. Паша в армии не служил!! Да, ребята, не выполнил он свой священный долг, не прошел школу настоящих мужчин. Ну, может и прошел, но совсем не так, как было принято. Пошел бы в армию, как все, получал бы по морде первый год, затем бил бы по морде других на второй год – вот и прошел бы школу жизни. Ан нет. Когда все пашины одноклассники отправились брить лбы, Паша учился на первом курсе института (об этом другой рассказ: как Паша Пухов любил то ли себя в искусстве, то ли искусство в себе) и получил, стало быть, отсрочку. А когда он институт свой бросил – в первый раз, потом еще раз пять бросал разные вузы (об этом см. например, Как Паша Пухов марксистско-ленинскую диалектику постигал) – все его одноклассники уже с армии вернулись. Ну или почти все. Одного убили. Жертва дедовщины, как тогда говорили. При том, что дедовщины никакой вовсе и не было, как опять же тогда говорили. Нет, говорили, что была, а писали, что не было. Нам трудно судить, ведь мы про Пашу Пухова рассказываем, а он в армии не был. И, вот ведь какое дело, – не хотел. Как он себе объяснял такое нежелание отдавать гражданский долг? Говорил, времени жалко. Два, мол, года шагистикой заниматься, когда за это время можно ого-го чего успеть сделать. Например, обрести просветление, левитацию освоить (возможно, от такого навыка Отечеству и пользы-то больше!), жениться, песен написать с полсотни, на гору подняться. Короче, вот такая у Паши была шкала ценностей. Мы ее ни оправдывать, ни оспаривать не будем. Наше дело – объективность. Вот такой уж Паша был человек. В смысле – есть. Нет, в смысле, был – тогда. А тут еще товарищи, вернувшиеся из армии, подливали масла в огонь, рассказывая о всяких ужасах и бессмысленностях Советской армии. Но вуз Паша бросил, а значит, и отсрочку свою потерял. Наступил призыв очередной, и получил Паша Пухов повестку. Пришел в военкомат и говорит: берите меня в Афганистан. Военачальники удивились. Тогда как раз была еще одна причина, по которой многие пашины ровесники служить идти не хотели – Афганистан. Одно дело, Ваньку валять два года, ну по морде схлопотать пару сотен раз, подумаешь, делов. Другое дело – настоящая война, со стрельбой и минами, где все по правде, и убивают по правде. Так что, многие как могли, старались армии избежать. Непатриотично это, конечно. И пусть нас поправят пашины современники, что были и другие молодые люди, сознательные, правильно воспитанные, которые и в обычную армию шли с сознанием долга и необходимости, и в Афганистан шли, раз Родина их посылает. Конечно, были и такие молодые люди. Но было их меньше. Приходим к такому выводу, исходя из реакции военачальников, которые, когда Паша Пухов сказал, что хочет в Афганистан, очень удивились и обрадовались. По их реакции было видно, что такое они не каждый день видят и слышат. Вот потому мы и считаем, что большинство призывников все-таки идти умирать не хотело. Может, наши выводы и ошибочны, но уж какие есть. А Паша-то герой. Вокруг него военные комиссары крутятся, увиваются. План по добровольцам, конечно, не выполняют (да, в плановом государстве был и план на патриотизм), но все же, хоть одного да представят высшему начальству. И вот комиссию даже создали по рассмотрению пашиного заявления. Хотели даже пионеров с горнами пригласить на открытие заседания комиссии, да вовремя одумались. И вот комиссия спрашивает Пашу: а почему ты, Паша Пухов, хочешь не просто в армию, а прямо в пекло? А Паша и думает: правда, почему это я так? И вот он думает про себя: наверно, потому что, уж если время все равно терять придется, два года жизни, за которые ого-го сколько можно всего сделать, то уж терять не на шагистику бессмысленную, а по правде воевать научиться. А что опасно, так было бы не опасно – не научился бы. Потому и приходят из армии, ника-

кой войне не обученные, что воевать им и не приходится. А приходится им там с дедовщиной разбираться, да шагистикой заниматься. Вот этому они и приходят обученные – маршировке и злобе, жестокости и философии «я человек маленький, мне приказ дали, я выполнил». Философия в реальной тогдашней жизни полезная, как и злоба. Потому армию и считали школой настоящих мужчин и школой жизни, что она самому необходимому учила: как строем ходить, подчиняться беспрекословно, про себя приказам посмеиваясь, как начальство ненавидеть и бояться, как младших унижать, за счет этого свою самооценку поднимая. Ну и другим полезным вещам. А Паша Пухов этому учиться не хотел. Он бы вот телепатии с удовольствием обучился (и потом, кстати, немного и обучился даже, но это другой рассказ), или джаз играть, или итальянский язык бы выучил. Но раз уж выбора нет, и надо идти служить, то хотелось бы чему-то реальному научиться. Армия для чего нужна, вообще-то? Об этом как-то забывают часто, или просто не говорят вслух. Но армия нужна для одного единственного – чтоб других людей убивать! Разве не так? Нам кажется, именно так. Убивать, а самому живым остаться – вот единственное, что должен уметь человек в армии. Подумал так Паша и говорит комиссии (напомним, она, комиссия, его спросила, зачем это он в Афганистан просится): хочу, мол, научиться как следует людей убивать! Комиссия растерялась, не ожидала такого ответа. А Паша знай продолжает: хочу стать профессионалом, чтоб каждая пуля, сделанная на заводе, не пропала даром, попала в сердце или голову врага, взорвав ему мозги. Чтоб уметь часовому горло перерезать тихо-тихо. Чтоб одной гранатой десяток положить. Комиссия сначала притихла, а потом наоборот расшумелась. Попросили Пашу выйти в коридор. Потом в коридор к Паше вышел один из членов комиссии, врач. Говорит: Паша, приходи ко мне на прием, надо нам побеседовать. Паша догадался, что это не терапевт, а скорее наоборот, психиатр. Догадался и не удивился. Это уж такое время было: хочешь сумасшедшим прослыть – скажи то, что думаешь. Паша, конечно, об этой особенности своей эпохи знал, и даже втайне предполагал, что может так получиться, что его вместо Афганистана в психушку заберут. Хотя, в психушку тоже идти не хотелось. Там, по слухам, та же дедовщина, только многократно усиленная специальными химикатами. Еще неизвестно, что опаснее – армия или психушка. Но дело сделано, слово не воробей. Пришлось идти к психиатру на прием. А дядька оказался душевный, и поговорить с ним было приятно. Вполне он разделял многие идеи и мысли юного Паши Пухова, даже и опасные некоторые мысли, сомнительные, не сказать, чтоб совсем уж диссидентские, но все же, все же... Побеседовали они, Паша Пухов с психиатром, наверное, раз десять. После чего Паше выдали «белый билет», то есть комиссовали подчистую, ну то есть, признали, что для армии он не годится. Вот такой парадокс получился. Впрочем, эпоха та состояла сплошь из парадоксов и алогичностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.